

Валерия Величко

*Свободный поиск или ненаписанная статья.
По следам утерянных материалов
о Б.В.Асафьеве*

В истории музыкознания есть имена, которые известны всем и каждому. К таким именам относится и имя Бориса Владимировича Асафьева – музыковеда, критика и композитора. Его вклад в развитие исторической и теоретической ветвей музыковедения невозможно переоценить. В каком-то смысле он является основателем музыковедения в современном понимании этого слова.

Борис Владимирович своими трудами, с одной стороны, продолжает линию, начатую Серовым, Стасовым и Одоевским, а с другой – создаёт основы для музыковедческой школы советского периода истории нашей страны. Он оказал безмерное влияние на ленинградскую музыковедческую школу: встав у её истоков он создал почву для её расцвета. О встречах с ним, об учении у него вспоминают такие крупные музыканты как Оссовский, Евлахов, Дмитриев, Нестьев, Гинзбург и многие другие.

Друскин в книге «Воспоминания о Б.В. Асафьеве» в своей статье «Три встречи» писал следующее: «Я был преданным учеником Асафьева. Впитывал каждое сказанное им слово, старался во всём ему подражать. То была юношеская влюблённость в музыканта, мыслителя, человека, равной которой я более не испытывал.» [6,68]

Асафьев был выдающимся учёным и удивительной личностью, потрясавшей собеседников каким-то сверхъестественным магнетизмом, он был способен увлекать окружающих тем, чем он занимался. Он мог вести и вёл за собой, указывая путь.

Асафьев новаторски подошёл к вопросам музыкальной формы, первый увидел её в континуальности, в процессе-

альности. Именно ему принадлежит идея рассмотреть музыкальное искусство, как искусство, в первую очередь, интонационное. Колоссален вклад Асафьева в историю музыки – его сочинения, свежие по мысли, охватывают множество исторических проблем, эпох, композиторов и произведений. Кроме того они написаны ярким живым языком, благодаря чему очень легко читаются и воспринимаются. Например, его работа, посвящённая «Пиковой даме» Чайковского начинается так:

«Есть странный русский город. В нём можно только мечтать о свете, о жизни во всей её могучей красоте. Когда приходит весна, она, может быть, никого не радуется в мире так, как людей этого властного города. Робкая, кроткая и нежная, она, родясь, предчувствует своё краткое существование. И те, кто поёт о ней, уже болеют за неё. Белая ночь, которая приходит с весной, отравлена этой скорбью. Томит, влечёт и манит странный, отражённый свет, и когда восходит солнце, люди уже не в силах радоваться ему: они измождены процессом *влечения* к свету.

Боль за весну, томное, непонятное влечение к неустойчивым образам – вот одна сфера настроений. Но в зимних сумерках и отражённом свете летних ночей этого города зарождаются ещё иные чувства: ощущение призрачности и бренности всего, а отсюда и острое любопытство к процессу разрушения и смерти. Разрушения и смерти не как естественных законов становления, а самих по себе, существующих как бы для, ради собственного наслаждения. Фантастические образы, творящиеся здесь, принимают неизбежно облик призраков жутко реальных, а образы реальные искажаются до бредовых. Трудно среди них сохранить равновесие тому, кто ощущает всё видимое как видимость или кто склонен к чарам иррационального. <...> Даже смех и шутка обращаются в издёвку и злобную радость.» [1, 158-159]

На мой взгляд, это одно из лучших описаний Петербурга и сферы чувствований петербуржцев. А ведь статья посвящена «Пиковой даме»! Язык описания совершенно завораживает своей красотой.

Казалось бы – жизнь такого человека должна быть все-сторонне исследована, раскрыта в мельчайших подробностях. Оказалось, что это вовсе не так. Несмотря на наличие монографии об Асафьеве (авторы – Е. Орлова, А. Крюков) в его жизни осталось немало тёмных пятен. Одним из таких периодов я и решила заняться.

Асафьев и Ленинградская консерватория – вопрос интересный, но довольно известный. Про годы его работы в консерватории написано немало воспоминаний, исследований. А вот если взять другой период соприкосновения Бориса Владимировича с нашим учебным заведением? Тот, когда он был в положении, аналогичном нашему, – в положении студента? Вот тут-то и раскрылось самое интересное. Информации по этому периоду его жизни просто не сохранилось. Её нет. Казалось бы – такой важный для становления личности период, учение у Лядова и Римского-Корсакова... Да ещё и на одном курсе с Мясковским и Прокофьевым... Ну просто раздолье для музыковеда! Но нет – весь материал исчерпывается несколькими упоминаниями Прокофьевым Асафьева в «Автобиографии» и «Дневниках», его же перепиской с Мясковским да дошедшими до нас характеристиками Римского-Корсакова.

Римский-Корсаков описывал Асафьева-студента так: «Способен, вял, посредственно усерден» [7, 111, 173] и «Способен. Совсем не посещал класс и не работал, поэтому отметки не ставлю». [14, 54] У Прокофьева мы найдём несколько более развёрнутое описание: «Асафьев – в поношенной тужурке, болезненный, весь какой-то погнутый, – <...> работал хорошо. <...> Много лет позднее я сблизился с Асафьевым, из которого вышел большой музыкант.» [5, 167]

Личные впечатления Асафьева об обучении в консерватории можно найти в первом разделе («О себе и своё») не полностью осуществлённого цикла «Мысли и думы». Эти воспоминания показались мне очень интересными – уж очень они созвучны настроениям и ощущениям нынешнего студента. Приведу несколько цитат:

«Скажу откровенно. В сравнении с шумным, всегда насыщенным текущими политическими, общественными, научными, литературными, театральными новостями, бурлящим мнениями, спорами университетом, консерватория казалась мне то вновь гимназией (когда войдёшь в маленький унылый класс и сядешь за парту!), то словно бы монастырём со своим уставом, то провинциальным профессионально-замкнутым цехово-ремесленным училищем!» [6, 395]

«Причины острого различия [между консерваторией и университетом] были глубже – в коренной разнице умственной культуры университета и горделиво-замкнувшейся в своей художественно-профессиональной броне консерватории.» [6, 396]

Асафьев писал, что ему было душно в схоластически-мёртвой консерватории, где не требовалось понимания, а требовалось лишь слепое подражание. «В консерватории мысли съёживались» [6, 396]

Но всё это – лишь косвенные данные, воспоминания. Хотелось бы найти документы непосредственно той эпохи, собственно дела тех лет. Значит, надо отправляться в архив. Но с ним оказалось всё печально.

В архиве консерватории говорят, что дело Асафьева было отправлено в архив литературы и искусства на Шпалерную улицу, там же парируют, что они дело Асафьева от консерватории не получали, что это вовсе не их годы и не их профиль. Действительно, если предположить, что консерватория отправляла материалы, связанные с обучением Асафьева в консерватории – (1904–1908) – то искать их в архиве, где все документы – послереволюционные, было бы довольно странно. Однако, если на Шпалерную отправлялся весь архив Асафьева, собранный после смерти (1949), то тогда это было бы вполне логично. Однако это всё домыслы. Факт остаётся фактом – из консерватории архив был отправлен, а до архива литературы и искусств он не дошёл.

Дело Асафьева есть в другом архиве – Историческом, что на Псковской улице. Но оно состоит всего из двух страниц! И содержит лишь просьбу в приёме Асафьева в кон-

серваторию и справку, что его документы хранятся в университете. Не очень-то богато.

Обрывок биографии Асафьева есть и в бумагах архива института истории искусств (на Исаакиевской), но там он лишь упоминает, что консерваторию окончил в 1910.

Неясным остаётся и вопрос – почему Асафьев ушёл из консерватории в 1908 и закончил её, занимаясь с Лядовым на частной основе. Обычно это объясняют тем, что в этом же году Асафьев заканчивал университет – времени на посещение консерватории совсем не хватало, а Римский-Корсаков, у которого тогда Асафьев занимался в классе инструментовки, отказался сделать скидку на занятость студента. Конфликт с Римским-Корсаковым неожиданно оборвался смертью учителя, Асафьев был столь потрясён этим, что в консерваторию уже не вернулся. Красивая и яркая теория, только, к сожалению, не находящая подтверждения в фактах.

И ни одна теория не найдёт подтверждения, покуда не будут найдены документы той эпохи, пока не будут обнаружены эти пропавшие материалы. Иначе всем, соприкасающимся с жизнью этого выдающегося музыкального деятеля, так и останется «питаться» вторичными сведениями и вновь и вновь пересказывать уже давно известные и опубликованные во многих книгах факты.

Использованная литература:

1. *Асафьев Б.В.* Симфонические этюды - Л., 1970
2. *Богоявленский С.Н.* «Из воспоминаний о Б.В.Асафьеве» - В кн. Ленинградская консерватория в воспоминаниях , изд.2. - Л., 1987
3. *Каплан Э.И.* Жизнь в музыкальном театре.- Л., 1969
4. *Орлова Е.М., Крюков А.Н.* Академик Б.В.Асафьев. - Л., 1984
5. *Прокофьев С.С.* Автобиография, изд.2, доп. - М., 1982
6. Воспоминания о Б.В.Асафьеве, сост. *Крюков А.Н.* - Л., 1974

-
7. Страницы жизни Н.А.Римского-Корсакова – вып. 4. - Л., 1973
 8. MUSICUS – 2009 №4 (17) – Асафьев Автобиография, 1925
 9. Музыкальная академия – 2001 №3 – Письма к Израилю Нестьеву – сост. М.Нестьева
 10. Музыкальная академия – 2010 №1 – Тихий, Северин «На музыкальных перекрёстках XX столетия»
 11. Советская музыка, 1984 №5
 12. Отдел рукописей института истории искусств – Ф. 2107.49, №15 «Асафьев Борис Владимирович»
 13. Беседа с научным сотрудником консерватории, профессором Андреем Борисовичем Павловым-Арбениным
 14. А.Н. Ахонен – дипломная работа «Сергей Прокофьев в Петербургской консерватории».